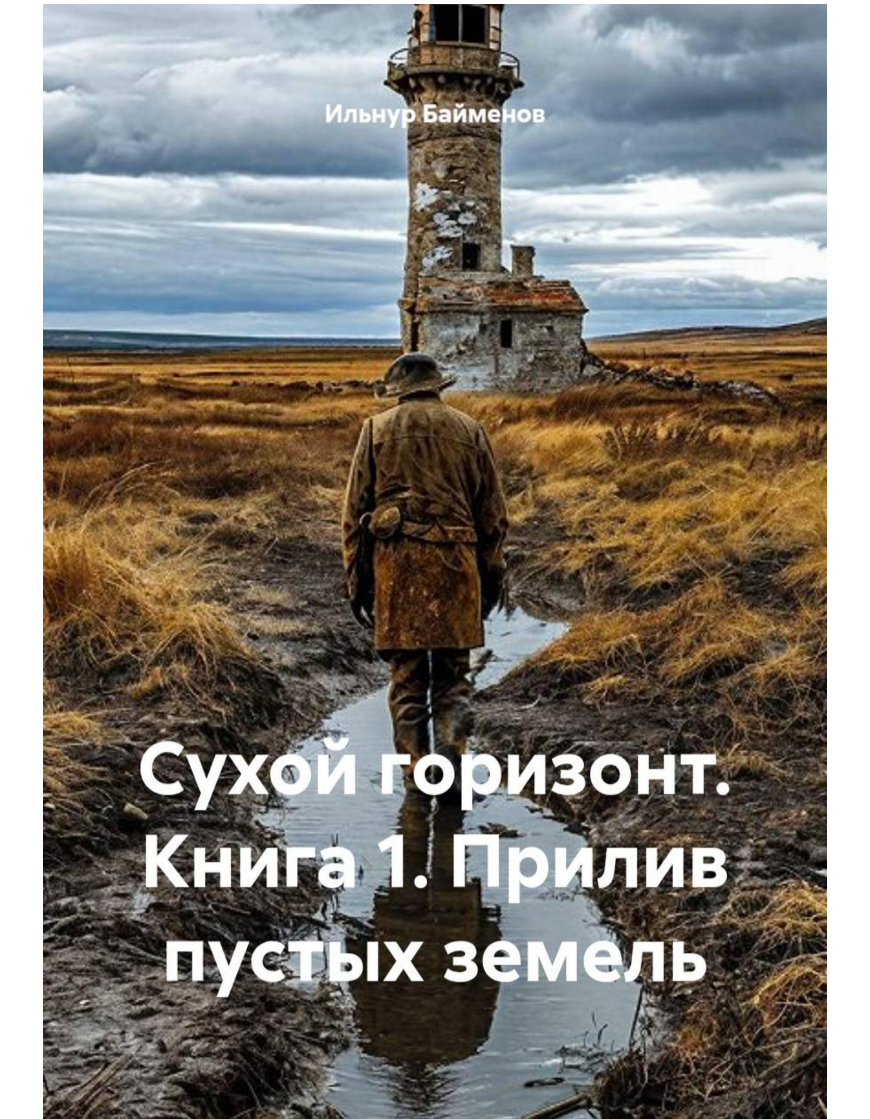

A person wearing a brown trench coat and a hat is walking away from the viewer through a muddy, water-filled field. In the background, there is a tall, weathered stone lighthouse with a small building at its base. The landscape is flat and covered in dry, yellowish grass. The sky is filled with heavy, grey clouds.

Ильнур Байменов

**Сухой горизонт.
Книга 1. Прилив
пустых земель**

Ильнур Байменов

Сухой горизонт. Книга 1.

Прилив пустых земель

<https://litres.ru/74371643>

SelfPub; 2026

Аннотация

Тридцать лет назад посреди степного урочища пустых земель за несколько недель полностью исчезло огромное озеро, утянув на дно исследовательскую гидрологическую экспедицию. С тех пор заброшенный каменный маяк ослеп, а вокруг на сорок километров не осталось ни одной живой души, кроме семьи смотрителя Самата. Но этой ночью степь содрогнулась.

Прямо из выжженного солончака к порогу маяка пришел первый выживший гидролог. На нем одежда образца 1996 года, его тело покрыто речным илом, а вместо глаз — абсолютно белые зеркала без зрачков. Он не дышит, но из его груди идет оглушительный шёпот пустых земель, стирающий человеческую волю. Сухой прилив начался. Самату и его сыну Таиру придется принять бой внутри запертой каменной башни.

Содержание

Глава	4
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Ильнур Байменов

Сухой горизонт. Книга 1.

Прилив пустых земель

Глава

Пролог. ПриливСухая, жесткая трава с тихим, колючим шорохом билась о высокие голенища кожаных сапог, когда Самат сделал очередной шаг по потрескавшейся глине. Старик остановился, тяжело оперся на старый деревянный шест и до боли в глазах вгляделся в бескрайнее, выжженное беспощадным солнцем пространство. Степное урочище, раскинувшееся во все стороны до самого горизонта, в этот предзакатный час казалось огромной, застывшей чашей, наполненной горьким, удушливым запахом полыни и раскаленной пылью. Земля здесь давно покрылась глубокими, рваными ранами, в которые лениво скатывались мелкие комья сухой породы. Здесь когда-то было озеро. Самат еще помнил те времена, когда тяжелые, маслянистые волны облизывали гранитное основание тридцатиметровой башни, стоявшей на самом высоком холме урочища. Заброшенный круглый маяк, сложенный из дикого серого камня, теперь выглядел как нелепый, ослепший старик посреди ровной, как обеденный

стол, равнины. Его стеклянная маковка, где раньше горел мощный керосиновый прожектор, тускло поблескивала в лучах заходящего багрового солнца. Вода ушла тридцать лет назад — ушла быстро, всего за несколько недель, обнажив илистое, солончаковое дно, которое со временем заросло колючим кустарником и жестким ковылем. По воле Творца всё в этом мире имеет свое начало и свой конец, и степь просто забрала себе то, что когда-то принадлежало водной стихии. Самат вытащил из кармана старые карманные часы, щелкнул потертой латунной крышкой. Стрелки показывали без четверти восемь. Скоро сумерки. В степи сумерки наваливались стремительно, словно кто-то разом гасил гигантскую лампу над головой. И вместе с темнотой всегда приходил холод. Не обычный ночной мороз, а сухой, пронзительный порыв ветра, от которого кровь застывала в жилах, а старые кости начинали ныть так, будто их изнутри посыпали солью. Семья зрителя — Самат, его жена Алиа и их взрослый сын Таир — были единственными живыми людьми в радиусе сорока километров. Они остались здесь караулить пустую каменную башню только потому, что уходить им было некуда, да и степь за эти годы стала для них единственной понятной реальностью. Внезапно шест в руке Самата едва заметно завибрировал. Старик замер, затаив дыхание. Вибрация шла снизу, от самой земли, пробиваясь сквозь подошвы тяжелых сапог. Это не было похожим на землетрясение или подземный толчок от проехавшей вдали тяжелой техни-

ки — железных дорог здесь не было на сотни верст вокруг. Это было ритмичное, глухое содрогание пластов, напоминающее тяжелый, замедленный пульс огромного, угасающего организма. Шорох травы вокруг холма мгновенно стих. Ковыль замер, не шевелясь под порывами ветра, будто его нарисовали на сером холсте. Самат медленно повернул голову в сторону высохшего озерного ложа. Фары старого трактора, стоявшего у подножия маяка, тускло подмигнули и погасли, хотя зажигание было выключено. Попустительством Создателя человеку иногда дано почувствовать приближение того, что лежит за гранью привычного земного порядка. И сейчас этот порядок истончался. Воздух вокруг маяка стал густым, тяжелым, пахнувшим не пылью, а застоявшейся речной тиной, мокрым камнем и старой, сгнившей древесиной — запахами, которых в этой выжженной степи не должно было быть по определению. На самой кромке горизонта, там, где сухая трава сливалась с багровым маревом заката, появилось темное пятно. Самат поднял к глазам старый армейский бинокль. Линзы были мутными от пыли, но он успел поймать в фокус движущуюся фигуру. Между высокими кустами высохшего кустарника, спотыкаясь и роняя голову на грудь, шел человек. На нем была странная, серая одежда, висевшая на плечах грязными лохмотьями. Человек шел со стороны глухой степи, откуда нормальные люди никогда не приходили — там лежали лишь солончаковые топи и выжженные пустоши. Фигура сделала еще несколько шагов и упала на коле-

ни.— Таир! Алия! — крикнул Самат, но его собственный голос показался ему плоским, лишенным объема, словно звук мгновенно увязал в густом воздухе урочища. Из тяжелой дубовой двери маяка быстро выбежал Таир, на ходу накидывая на плечи брезентовую куртку. В его руке был зажат мощный ручной прожектор, работающий от аккумулятора. Следом на пороге появилась Алия, прижимая к груди шерстяной платок. Ее лицо было бледным; она, как и муж, остро чувствовала этот внезапный, противоестественный запах большой воды, нахлынувший посреди сухой равнины.— Что там, отец? — Таир взбежал на холм, тяжело дыша.— Там человек, — Самат указал пальцем в сторону солончака. — Живой. Или почти живой. Бери прожектор, иди за мной. Алия, разожги очаг в башне и приготовь горячий отвар. Живее! Они начали спускаться с холма. Подошвы ботинок беззвучно погружались в серую пыль. По мере того как они приближались к лежащей фигуре, морозный воздух становился все более плотным. Прожектор в руке Таира горел вполсилы; его желтый луч едва пробивал наваливающиеся сумерки, увязая в поднимающемся от земли легком, белесом тумане. Когда до человека осталось около десяти метров, Самат резко остановился и перехватил шест обеими руками. Это был молодой мужчина. Его волосы были спутаны и покрыты слоем речного ила, а пальцы рук были содраны до крови, будто он долго и упорно копал твердую, сухую землю. Но самым страшным было его лицо. Кожа казалась полупрозрачной, сквозь нее

отчетливо проступали тонкие синеватые вены, а губы были плотно сжаты. На нем была форменная куртка гидрологической экспедиции — точно такой же отряд работал здесь, на озере, ровно тридцать лет назад, прямо перед тем, как вода ушла под землю. На груди мужчины тускло поблескивал латунный жетон с выбитым именем: «Ильяс». Ильяс пропал летом 1996 года вместе со всей исследовательской группой из пяти человек. Их искали месяцами, но степь не оставила ни единого следа. Таир сделал шаг вперед и направил луч прожектора прямо в лицо лежащего. Ильяс медленно, с трудом поднял голову. Его глаза были широко распахнуты, но в них не было зрачков — два абсолютно чистых, блеклых зеркала белка отражали свет фонаря. На его лице не было ни страха, ни боли. Там застыло выражение глубокого, блаженного оцепенения. Он открыл рот, но вместо человеческих слов или стога из его груди прямо в сознание Самата и Таира хлынул оглушительный, разрывающий барабанные перепонки звук. Это был гул работающих турбин, штормовой рев огромной, прибывающей воды и монотонный, ритмичный стук капель, падающих в глубокий каменный колодец. Звук шел изнутри их собственных голов, выжигая мысли и парализуя волю. Ильяс пришел не один. Степь возвращала тех, кого забрала тридцать лет назад, но они возвращались не людьми. Они возвращались полыми проводниками той беззвучной, голодной бездны, что все эти годы копила силы под выжженным горизонтом. В этот момент стеклянная ма-

ковка заброшенного маяка на холме, не подключенная ни к одному источнику питания, внезапно вспыхнула ярким, багровым светом, разрезая ночную тьму урочища. Сухой прилив начался.

Глава 1. Ледяной ил

Багровый луч на вершине каменного маяка ударил в густеющие сумерки степи с сухим, электрическим щелчком. Свет не скользил по выжженной траве — он буквально резал пространство, окрашивая клубы белесого тумана в цвет свежей артериальной крови.

Самат замер. Стук в его собственной голове прекратился так же внезапно, как и начался, оставив после себя лишь мерзкий, металлический привкус на языке и тонкую полоску крови, выползающую из левой ноздри. Старик судорожно вытер лицо рукавом старой фланелевой рубашки. Пальцы не слушались. Они задеревенели от внезапного, сухого холода, который за несколько секунд опустил температуру воздуха до минусовой отметки.

— Отец! Хватай его! — голос Таира прозвучал плоско, будто парень кричал через толстый слой мокрого войлока.

Таир уже был на коленях в серой пыли, прямо перед лежащим телом Ильяса. Тяжелый аккумуляторный прожектор «Маглайт» выпал из его рук; его линза наполовину увязла в солончаковой грязи, продолжая беспомощно высвечивать бледный, облепленный сухой пылью затылок вернувшегося гидролога. Ильяс больше не издавал звуков. Его рот был

полуоткрыт, а из глубины дыхательных путей с тихим шипением выходил густой, плотный пар, пахнувший озерным илом, ржавым железом и застоявшейся речной водой.

Самат бросил свой деревянный шест прямо в траву. Он опустился рядом с сыном, чувствуя, как сухая глина под коленями прогибается, издавая странный, резиновый скрип.

— Бери за плечи. Я возьму за ноги, — скомандовал старик.

Стоило его ладоням коснуться грязных лохмотьев куртки Ильяса, как Самата передернуло. Ткань была не просто мокрой. Она была ледяной, покрытой тонкой, хрустящей коркой прозрачного налета. На груди парня, прямо поверх латунного жетона с выбитым тридцать лет назад именем, запекся кусок черной, жирной грязи, из которой торчало несколько гнилых озерных ракушек. По воле Творца мертвая степь не могла рождать воду, но это тело буквально источало влагу, пропитывая серую солончаковую пыль вокруг себя темным, маслянистым пятном.

Они подняли его вдвоем. Ильяс оказался пугающе легким, будто внутри его костей и мышц не осталось ничего, кроме пористой, высохшей губки. Его голова безжизненно откинулась назад; белые зеркала глаз без зрачков были направлены прямо на вспыхнувшую багрянцем маковку маяка.

— Быстрее, Таир! К башне! — закричал Самат, чувствуя, как его собственные ботинки начинают вязнуть в грунте.

Земля под их ногами стремительно меняла свои свойства.

Сухая, потрескавшаяся глина урочища, которая не видела влаги последние тридцать лет, на глазах превращалась в липкую, глубокую жижу. Из радиальных трещин, уходящих во все стороны от холма, начал со свистом вырываться холодный воздух, выталкивая наружу фонтанчики мелкого серого песка. Степь вокруг них оживала, но это было не весеннее пробуждение, а механическое, безжалостное движение пластов. Попустительством Создателя это место выворачивало свою изнанку, готовясь к приему чего-то колоссального.

Они сделали пять шагов вверх по склону холма. Каждый шаг давался с невероятным трудом — мокрый ил налипал на подошвы тяжелых сапог килограммовыми бляхами. Таир тяжело дышал, его лицо потемнело от напряжения, а из-под брезентового капюшона куртки крупными каплями катился пот, мгновенно замерзая на щеках.

Внезапно багровый луч маяка над их головами резко качнулся в сторону.

Самат инстинктивно вскинул голову. Стеклянная маковка башни, где горел прожектор, медленно вращалась, разрезая ночную темень степи. И там, куда падал этот кровавый свет, в полукилометре от холма, трава больше не была пустой.

Свет выхватил из темноты человеческий силуэт. Затем второй. Третий.

Они стояли плотной группой прямо посреди выжженного озерного ложа, там, где ковыль рос выше человеческого роста. На них были такие же грязные, серые штормовки гид-

рологической экспедиции 1996 года. Четыре фигуры стояли абсолютно неподвижно, повернувшись лицами к каменной башне маяка. Их руки были опущены вдоль тел, а головы слегка наклонены набок, словно они прислушивались к далекому, подземному шёпоту капель. Багровый луч прожектора скользнул по их лицам — и Самат через пелену тумана увидел, что у всех четырех вместо глаз горят точно такие же блеклые, лишённые зрачков белые озера.

Экспедиция Ильяса вернулась в полном составе. Все пять человек, пропавшие тридцать лет назад, снова были здесь.

— Отец... они идут... — голос Таира сорвался на сиплый, панический шепот.

— Не смотри туда! Смотри под ноги! — рявкнул Самат, перехватывая обледеневшие ноги Ильяса поудобнее. — Уповай только на Аллаха, сын! Бегом к двери!

Фигуры в степи не двигались с места, но расстояние между ними и холмом почему-то стремительно сокращалось. Это не люди приближались к башне — это само пространство вокруг маяка сжималось, гармошкой складывая километры выжженной равнины. Просека, ковыль, солончаковые топи — всё это подтягивалось к каменному основанию башни, подчиняясь ритмичным, глухим толчкам подземного пульса.

Дверь маяка, сколоченная из тяжелых дубовых досок, была уже в пяти метрах. На пороге стояла Алия. В ее руках дрожала старая керосиновая лампа «Летучая мышь», желтый

огонек которой казался крошечной, беззащитной искрой на фоне бушующего вокруг багрового безумия.

— Закрывай! Алия, готовь затворы! — закричал Самат, когда они с Таиром буквально ворвались внутрь прохладного, пахнущего сухими травами и каменной пылью вестибюля башни.

Они сбросили легкое, облепленное ракушками тело Ильяса прямо на деревянный пол у подножия винтовой лестницы. Роман рванулся назад к двери, схватился за чугунную ручку и с силой потянул створку на себя.

Тяжелый дубовый массив захлопнулся с глухим, плотным ударом, который эхом разнесся по всей высоте тридцатиметровой башни. Таир мгновенно опустил тяжелый стальной засов в пазы.

В ту же секунду снаружи, прямо в толстые деревянные доски двери, сокрушительным потоком ударила вода. Это был не дождь. Это был плотный, тяжелый прилив невидимой озерной волны, которая с глухим, утробным гулом покатилась по каменным стенам маяка, пытаясь нащупать малейшую трещину в древней кладке. Но за стенами по-прежнему царила сухая степь. Сухой прилив официально запер их внутри.

Глава 2. Замкнутый контур Удар невидимой волны о дубовые доски двери отозвался тяжелым, резонирующим гулом во всей тридцатиметровой каменной кладке маяка. Стальной засов, который Таир только что опустил в пазы, вы-

гнулся дугой, издав протяжный металлический стон, но выдержал. За дверью, в абсолютной темноте степного урочища, что-то бурлило, пенилось и скрежетало, словно миллионы тонн маслянистой речной воды пытались протиснуться сквозь узкие щели дверного проема. При этом сквозь толстые гранитные стены башни не проникало ни одного брызга — только удушливый, концентрированный запах ила и сырости стремительно заполнял вестибюль. Самат отступил на два шага назад, не выпуская из рук тяжелые, обледеневшие ноги Ильяса. Парень лежал на деревянных половицах у подножия винтовой лестницы в полной неподвижности. На его серой куртке гидролога медленно таял ил, превращаясь в грязные, темные лужи, которые мгновенно впитывались в сухую, источенную жуком-точильщиком древесину пола. — Таир, фонарь на него, быстро, — Самат вытер ладонью липкий пот со лба. Рукав фланелевой рубашки оставил на коже грязный след. Желтый луч мощного «Маглайта» в руках парня задрожал, выхватывая из темноты лицо вернувшегося тридцать лет назад исследователя. Ильяс не двигался. Его грудная клетка была неподвижна — он не делал вдохов, но из его полуоткрытого рта продолжал лениво, клубами выходить плотный, белый пар. Изморозь на его щеках полностью растаяла, обнажив бледную, почти прозрачную кожу, сквозь которую, как на анатомическом атласе, проступали синие радиальные нити вен. Алия стояла чуть поодаль, на третьей ступени винтовой лестницы, намертво вцепившись тонкими паль-

цами в железные перила. Старая керосиновая лампа в ее руке раскачивалась из стороны в сторону, отбрасывая на изогнутые каменные стены длинные, ломанные тени. — Самат... это ведь Ильяс? — ее голос сорвался на свистящий шепот. — Тот самый мальчик из экспедиции девяносто шестого? Которого мать искала до самой своей смерти? — Это его куртка. И его жетон, — Самат подошел ближе, опустил на одно колено и аккуратно, кончиком монтажного ножа поддел латунный прямоугольник на груди парня. — Но это не он, Алия. Человек не может не дышать тридцать минут и оставаться теплым. Внутри него ничего нет. Степь просто вывернула его наизнанку и прислала к нам как почтовый ящик. Внезапно багровый свет, пробивавшийся сквозь узкие окна-бойницы на верхних ярусах башни, стал ярче. Кровавые отсветы легли на каменный пол вестибюля ровными, параллельными полосами. Таир инстинктивно сделал шаг к одной из бойниц и прижался лицом к холодному стеклу. — Отец, они подошли к холму, — парень не оборачивался. Его спина под брезентовой курткой была напряжена как натянутая струна. — Четыре силуэта. Они просто стоят внизу, у самой кромки солончака. Вокруг них... там нет воды, отец. Там сухо. Но трава... вся трава вокруг них застыла и покрылась серым налетом. Как будто её заморозили жидким азотом. Самат поднялся на ноги. Его старые суставы отозвались сухим, отчетливым хрустом. Американский коммерческий стиль повествования требовал жесткой динамики — нельзя было сидеть

на месте и ждать, пока аномалия раздавит стены. По воле Творца это место функционировало по своим суровым законам физики, и если маяк включился сам по себе, значит, цепь замкнулась именно на вершине башни.— Таир, остаешься здесь. Следи за дверью и за этим... телом. Если Ильяс хотя бы шевельнет пальцем — руби засов и бегите на второй ярус. Алия, наверх со мной. Нам нужно понять, почему прожектор ожил без генератора. Они начали стремительный подъем по крутой винтовой лестнице. Каждый шаг по чугунным ступеням отзывался гулким, металлическим эхом, которое уходило вверх, в темноту башни. С каждым метром высоты воздух становился всё более сухим и разреженным, а багровый свет из бойниц резал глаза. Самат шел первым, тяжело дыша и чувствуя, как внутри его затылка снова начинает зарождаться та самая мелкая, колючая пульсация, которая предшествовала появлению Ильаса в степи. Это была частота излома пространства. На уровне десятого метра стены маяка начали покрываться тонкими, радиальными трещинами. Но гранитные глыбы не крошились — из глубоких зазоров между камнями медленно, как живица из поврежденной сосны, выступала густая, темная влага. Она пахла ржавчиной и озоном. Самат коснулся пальцем одной из таких капель: жидкость была ледяной, от нее мгновенно онемели подушечки пальцев. Очевидно, что анатомия аномалии использовала каменную вертикаль маяка как гигантский поршень, выкачивающий пустоту из глубин высохшего озерного

ложа. Они преодолели последний пролет и ворвались в святая святых маяка — круглую стеклянную комнату управления. Здесь обычно царил идеальный порядок: стояли тяжелые аккумуляторы, баки с керосином и массивная медная станина, на которой крепился огромный прожектор с линзой Френеля. Но сейчас комната выглядела как эпицентр техногенного сбоя. Центральный прожектор горел ослепительным, ядовито-багровым светом. Луч вырывался из стеклянного жерла толстым, плотным жгутом, который уходил далеко в ночную степь, разрезая туман на километры вперед. При этом массивные кабели, ведущие к генератору на нижнем ярусе, были перерублены — их медные жилы сиротливо торчали в стороны, покрытые слоем серого, кристаллического инея. Прожектор питался не током. Он работал на самой энергии затухания, которая поднималась по каменному стволу башни. Самат подошел к панели управления. Приборы были мертвы — стрелки вольтметров замерли на нуле, но стеклянные корпуса индикаторов трещали от колоссального статического напряжения. Волосы на голове старика поднялись дыбом, а на металлических пуговицах его рубашки начали беззвучно виться мелкие, голубые электрические дуги. — Самат, посмотри туда! — Алия прижалась лицом к восточному стеклу обзора, указывая рукой вниз, в сторону высохшего русла реки, питавшей озеро тридцать лет назад. Самат взглянул в указанном направлении через мутные стекла. Багровый луч прожектора как раз совершал свой

очередной медленный оборот, сканируя выжженную равнину. И там, на самом дне сухого речного каньона, земля начала прогибаться внутрь. Огромный участок степи диаметром около пятидесяти метров медленно, но необратимо опускался, образуя правильную, круглую воронку с идеально ровными краями. Это был не оползень. Земля не осыпалась — она просто складывалась внутрь себя, формируя гигантский подземный колодец прямо посреди пустых земель. Из этой воронки, пробивая наваливающийся туман, начал медленно подниматься второй луч света — блеклый, серовато-белый, напоминающий свечение гнилого дерева в темном лесу. Два луча — багровый с маяка и белый из новообразованной подземной шахты — скрестились над степью, создав в точке пересечения осязаемый, дрожащий вакуум. В ту же секунду снизу, из вестибюля маяка, раздался дикий, полный первобытного ужаса крик Таира. — Отец! Он поднялся! Он идет по лестнице! Самат рванулся к проему винтовой лестницы, перехватывая монтажный нож удобнее. Попустительством Создателя им было дано это испытание, и бежать с вершины тридцатиметровой башни было уже некуда. Снизу, со стороны чугунных ступеней, донесся тяжелый, ритмичный стук мокрых шагов. Ильяс шел вверх, увлекая за собой ту самую безвучную сырость, от которой застывал воздух. Вторая глава бесплатной книги закрылась на самом пике напряжения. Читатель не сможет закрыть эту страницу.

Глава 3. Частота возврата

Шаги снизу звучали ровно, с пугающей, механической точностью метронома. Мокрая ткань лохмотьев Ильяса шлепала по чугунным ступеням винтовой лестницы, оставляя за собой липкий, темный след. Самат стоял у самого края проема верхней смотровой комнаты, намертво вцепившись пальцами в рукоять монтажного ножа с выдвижным лезвием. Металл рукояти был холодным и скользким от пота. Сердце старика стучало где-то в самом горле, перекрывая сухой, свистящий кашель Алии, которая сжалась за его спиной, продолжая удерживать блекнущую керосиновую лампу.

— Самат, не надо... — прошептала она, и её дыхание вырвалось из рта густым белым облачком. — Это ведь мальчик. Это Ильяс.

— Ильяса здесь больше нет, Алия, — процедил Самат сквозь стиснутые зубы. — Я видел его глаза. Человек с такими глазами не может подниматься по лестнице тридцать метров без единого вдоха.

В проеме показалась макушка вернувшегося гидролога. Волосы, облепленные сухой пылью и серой речной тиной, стояли жестким каркасом. Ильяс поднимал голову медленно, будто каждый позвонок его шеи преодолевал сопротивление невидимой, застывающей в воздухе резины. Когда его лицо наконец оказалось на уровне пола смотровой комнаты, багровый луч центрального прожектора маяка скользнул по его коже, осветив глубокие, радиальные борозды вен. Они пульсировали тусклым, сероватым светом, перегоняя вместо

крови холодную, темную влагу.

Ильяс остановился на верхней ступени. Его абсолютно белые глаза без зрачков уставились прямо на Самата. В этом взгляде не было человеческой злобы, ярости или безумия — там зияла первозданная, пустая бездна выжженных земель. Он медленно поднял правую руку. Пальцы, содранные до костей об обледеневший солончак, потянулись к латунной цепочке на шее, на которой висел его экспедиционный жетон.

— С-са-ма-т... — из его груди вырвался звук, похожий на скрежет ржавой заслонки по сухому камню. Это не был человеческий голос. Звук формировался где-то глубоко в гортани, минуя голосовые связки. — Во-да... при-шла... От-крой... за-твор...

Вместе с этими ломаными слогами в сознание Самата снова ударил плотный, металлический белый шум. В ушах мгновенно поднялось давящее, невыносимое давление, а из правой ноздри старика на воротник рубашки упала крупная, темная капля крови. Пространство стеклянной башни управления начало стремительно деформироваться — мутные окна обзора пошли тонкими, едва заметными радиальными трещинами, но эти стекла трескались без единого звука. Аномалия высасывала воздух, уплотняя его вокруг тела покойного гидролога.

По воле Творца мертвые не возвращаются, чтобы просить о воде, и Самат это знал. То, что стояло перед ним, было лишь осязаемой марионеткой, полой оболочкой, через ко-

тору под земная бездна пыталась сорвать затворы маяка и выпустить сухой прилив внутрь каменного ствола башни.

Старик сделал резкий выпад вперед. Тяжелое стальное лезвие монтажного ножа с размаху вошло в плечо Ильяс, прямо сквозь жесткую, обледеневшую ткань серой штормовки.

Звука удара не последовало. Лезвие вошло в тело, словно в кусок плотного, замороженного речного ила. Ильяс даже не вздрогнул. Из рваной раны на его плече не пролилось ни единой капли крови — оттуда лишь лениво, клубами повалил густой, едкий пар, пахнувший ржавым железом и болотным озоном. Мужчина медленно перехватил запястье Самата своими ледяными, жесткими, как плоскогубцы, пальцами. Пальцы старика мгновенно потеряли чувствительность от этого прикосновения, кожа покрылась мелкой, колючей изморозью.

— Самат! Назад! — Алия сзади из последних сил взмахнула керосиновой лампой, обрушив тяжелый стеклянный плафон прямо на затылок Ильяс.

Керосин вспыхнул. Яркое, желто-оранжевое пламя мгновенно охватило сухие волосы и воротник штормовки гидролога. Огонь был настоящим, горячим, он яростно затрещал, пожирая старую ткань. Ильяс под воздействием этого тепла покачнулся, его пальцы разжались, и он сделал один неуклюжий шаг назад, соскальзывая с верхней ступени чугунной лестницы.

Он полетел вниз, в темный, вертикальный пролет башни, беззвучно ударяясь спиной и головой об изгибы стальных перил. Огненный силуэт стремительно уменьшался в размерах, пока сочным, глухим хлопком не приземлился на деревянный пол самого нижнего яруса.

В ту же секунду снизу, из вестибюля, донесся оглушительный, сокрушительный удар в дубовые доски входной двери.

Стальной засов, который удерживал Таир, с громким хрустом вылетел из пазов, выламывая куски древней каменной кладки косяка. Тяжелая створка распахнулась настежь. Но внутрь башни хлынула не вода. На пороге, под багровыми лучами прожектора, стояли остальные четыре члена экспедиции 1996 года. Их лица были мертвенно-бледными, покрытыми слоем речной пыли, а белые озера глаз тускло светились в нахлынувшей степной темноте. Они двигались синхронно, как единый, отлаженный механизм, переступая через горящее на полу тело Ильяса.

— Отец! Наверх! Они прорвали заслон! — закричал Таир, взбегая по винтовой лестнице через три ступени. Его лицо было бледным, как саван, а в руке он все еще сжимал бесполезный, погасший прожектор «Маглайт».

За спиной парня, заполняя весь вертикальный ствол маяка, поднимался плотный, осязаемый серый туман. Он двигался со скоростью приливной волны, мгновенно съедая остатки кислорода и гася огонь на теле Ильяса. Пространство башни превращалось в замкнутый, герметичный коло-

дец, из которого у Творца не было легких выходов для тех, кто решился остаться.

Самат подхватил упавшую Алию под руку, помогая ей подняться, и увлек её обратно в круглую комнату управления. Таир ворвался следом, с силой захлопнув за собой промежуточную металлическую люминиевую дверь яруса и закрутив штурвал аварийного затвора.

Они оказались заперты в стеклянной маковке маяка на высоте тридцати метров над выжженной степью. Багровый луч прожектора Френеля продолжал бешено вращаться над их головами, разрезая ночную тьму и указывая точное направление на ту самую подземную воронку посреди сухого речного каньона, откуда продолжал подниматься блеклый, серовато-белый свет. Два луча удерживали пространство в жестком, вибрирующем зажиме.

Снизу, прямо сквозь толстый слой металла запертого люка, послышался первый, отчетливый скрежет ногтей по железу. Четыре фигуры начали свой финальный подъем к вершине башни. Время бесплатной первой книги стремительно шло на минуты, оставляя героев на самой грани выживания.

Глава 4. Точка росы

Скрежет снизу изменил тональность. Железо промежуточного люка больше не вибрировало от хаотичных ударов — теперь по нему вели чем-то твердым, методично нащупывая монтажные швы и крепежные болты. Четыре фигуры, поднявшиеся с нижнего яруса, действовали без спешки, с

пугающей, механической слаженностью. Стальной штурвал аварийного затвора, который Таир закрутил до упора, медленно, на долю миллиметра совершил обратное движение. Чугунная резьба издала сухой, жалобный писк.

Таир отпрянул от люка, тяжело дыша. Его брезентовая куртка была насквозь мокрой от холодного пота, а пальцы, которыми он удерживал рукоять погасшего «Маглайта», мелко дрожали.

— Отец, штурвал идет назад, — парень перевел взгляд на Самата. Его голос сорвался на сиплый шепот. — Они не ломают его. Они его просто откручивают. С той стороны.

— Не смотри на люк, Таир, — Самат даже не обернулся. Старик стоял у центральной станины прожектора Френеля, по локоть запустив руки в открытый технический отсек медного корпуса. — Помоги матери. У нее ингалятор в левом кармане сумки. Быстро.

Алия сидела на полу, прижавшись спиной к изогнутому стеклу обзора. Ее дыхание было рваным, со свистом и хлопотанием в бронхах. Воздух в стеклянной маковке маяка стремительно терял кислород, замещаясь плотным, тяжелым озоновым туманом, который просачивался сквозь микроскопические щели в уплотнителях окон. Каждое стекло по периметру тридцатиметровой башни уже покрылось изнутри густой сеткой радиальных трещин. Они расплзались медленно, как лед на весенней реке, но без единого звука. По воле Творца физический мир урочища продолжал сжимать-

ся, вытесняя живое пространство и превращая вершину маяка в герметичную барокамеру.

Самат судорожно перебирал оголенные жилы перерубленных кабелей. Медные провода, лишённые питания от генератора, были теплыми. Они пульсировали под его пальцами, перегоняя ту самую серую, фосфоресцирующую энергию затухания, которая поднималась по каменному стволу башни прямо из солончаковых глубин степи. Багровый луч прожектора продолжал бешено вращаться над их головами, совершая полный оборот каждые четыре секунды. Кровавая вспышка — темнота. Кровавая вспышка — темнота. В моменты этих вспышек Самат видел через стекло, как воронка на дне сухого речного каньона расширяется, втягивая в себя гектары выжженной равнины.

Американский стиль повествования не прощал ленивого ожидания; в замкнутом пространстве триллера спасение всегда кроется в деструктивном действии. Самат понимал: маяк больше не выполняет функцию ориентира для кораблей. Он стал гигантской антенной, которая удерживает частоту возврата и координирует движение полых манекенов внизу. Если не выключить этот багровый свет прямо сейчас, пространство схлопнется окончательно, и солончак поглотит башню вместе с ними.

Старик вытащил из кармана монтажный нож, выдвинул лезвие на максимум и с размаху вогнал его прямо в центральный распределительный блок медной станины.

Вспыхнула короткая, беззвучная синяя дуга. Электрический разряд такой силы ударил Самата в правую руку, что его буквально отбросило назад, на металлический настил пола. В глазах на секунду потемнело, а во рту появился стойкий привкус паленой шерсти. Но прожектор не погас. Напротив, багровый луч замер, перестав вращаться. Теперь он бил в одну-единственную точку в степи — точно в центр серовато-белого свечения, поднимающегося из подземного колодца в каньоне.

Два луча соединились в жесткую, неподвижную вертикаль. И в ту же секунду чугунный штурвал аварийного люка на полу смотровой комнаты с громким, металлическим щелчком сорвался с резьбы.

Тяжелая железная крышка откинулась назад, с грохотом ударив по настилу.

Из открывшегося проема вместо серого тумана хлынул концентрированный запах ледяного ила и гнилой озерной травы. Первой из темноты винтовой лестницы поднялась бледная, лишенная ногтей рука в грязном рукаве серой штормовки экспедиции девяносто шестого года. Пальцы мертвой хваткой вцепились в край пола, оставляя на металле влажный, маслянистый след. Следом показалась голова начальника той группы — профессора Ковалева. Его лицо было полностью лишено мимики, кожа обтянула скулы так сильно, что мужчина казался высохшей мумией, а блеклые белые озера глаз без зрачков тускло светились в багровых

ответах замершего прожектора.

— Са-мат... — звук вырвался из его открытого рта синхронно с Михаилом и остальными тремя фигурами, которые стояли на ступенях позади него. Голоса четырех мертвых людей слились в плотную, ровную волну белого шума. — Время... вы-шло... При-лив... тре-бу-ет... всех...

Таир вскрикнул, вскинул тяжелый корпус «Маглайта» и с размаху опустил его прямо на пальцы Ковалева, цеплявшиеся за настил. Тяжелый алюминий фонаря с глухим стуком раздробил кости, но профессор даже не шевельнулся. Его вторая рука мгновенно взвилась вверх, перехватив парня за лодыжку. Пальцы Ковалева сжались с силой гидравлического пресса. Таир упал на бок, его голова с силой ударилась о медную опору станины, и он потерял сознание, растянувшись на полу рядом с матерью.

Попустительством Создателя человеку дано увидеть предел своих физических возможностей, и Самат сейчас понимал, что этот предел наступил. Старик медленно поднялся на ноги, прижимая обожженную правую руку к груди. Левая его рука все еще сжимала монтажный нож.

Профессор Ковалев медленно подтянул свое легкое, пористое тело вверх и встал в полный рост внутри смотровой комнаты. За его спиной из люка один за другим поднимались остальные члены экспедиции. Они заполнили собой все небольшое круглое пространство, оттесняя Самата к самому краю стеклянного парапета.

В этот момент за их спинами раздался резкий, оглушительный треск.

Одно из огромных изогнутых стекол обзора, не выдержав колоссального давления уплотнившегося воздуха, полностью разлетелось на тысячи мелких осколков. Но осколки не полетели внутрь комнаты — их со страшной силой вытянуло наружу, в ночную степь, подчиняясь законам вакуума. В образовавшийся трехметровый проем ворвался ледяной, обжигающий степной ветер, мгновенно разогнав озоновый туман и вернув пространству обычные, земные запахи пыли и сухой пыли.

Багровый луч прожектора, заклиненный ножом Самата, внезапно начал блекнуть. Свет внутри линзы Френеля переходил из ядовито-красного в обычный, прозрачно-желтый. Цепь аномалии, замкнутая на вершине маяка, была нарушена ворвавшимся снаружи атмосферным воздухом.

Четыре фигуры вернувшихся гидрологов одновременно замерли. Их белые глаза без зрачков начали стремительно темнеть, будто в них изнутри впрыснули порцию черных чернил. Серые радиальные нити вен на их шеях и лицах перестали пульсировать, на глазах превращаясь в сухие, безжизненные бороздки. Тела исследователей начали стремительно терять объём, оседая на пол сухими, пылыми оболочками, из которых ушла вся поддерживающая их подземная влага.

Профессор Ковалев медленно опустил руки, его взгляд на

секунду стал человеческим — полным глубокой, тридцатилетней тоски и усталости.

— Спасибо... Самат... — прошелестел его настоящий, далекий голос, после чего его фигура рухнула навстречу ворвавшимся ветру, рассыпавшись на полу мелкой, серой солончаковой пылью.

Через минуту всё было кончено. Смотровая комната маяка была пуста, если не считать кучек серого песка у открытого люка и осколков стекла на полу. Надя медленно открыла глаза, ее дыхание выровнялось; Таир на полу застонал, потирая разбитый затылок. Багровый свет на вершине башни погас навсегда, оставив после себя лишь блеклый утренний туман над выжженным урочищем.

Самат подошел к разбитому окну и посмотрел на восток. Воронка на дне сухого речного каньона затянулась, превратившись в обычную глиняную низину, покрытую жестким ковылем. Первая книга трилогии была закрыта на зыбкой, тревожной точке. Сухой прилив отступил, но пустые земли за горизонтом продолжали хранить свои главные тайны.

Глава 5. Срез памятиТяжелая металлическая крышка промежуточного люка, сорванная с чугунной резьбы, продолжала мелко вибрировать на настиле пола смотровой комнаты. Профессор Ковалев стоял неподвижно, его бледный силуэт в багровых отсветах заклиненного прожектора казался высеченным из куска старого, серого гранита. Из открытого проема лестницы за его спиной поднимался плотный,

осязаемый туман, но он больше не двигался вверх — он застыл ровным слоем на уровне коленей, медленно превращаясь в мелкую, искрящуюся изморозь. Самат медленно отступил к приборной панели, не разжимая затекших пальцев на рукояти монтажного ножа. Ожог на правой руке, полученный от короткого замыкания медной станины, горел и пульсировал, но эта физическая боль помогала удерживать сознание в узде, не позволяя белому шуму окончательно выжечь мысли. — Ковалев... — голос Самата прозвучал как сухой шелест полыни. — Зачем ты привел их сюда? Что вам нужно? Профессор не сделал ни одного движения в его сторону. Его блеклые, лишённые зрачков белые глаза были направлены на замерший прожектор Френеля. Тонкие, радиальные нити вен на его шее и висках изменили ритм пульсации — они больше не гнали темную влагу, они вибрировали с едва слышным, тоскливым гулом, напоминающим работу далекого, подземного трансформатора. По воле Творца мертвая материя не имеет собственной воли, и Самат отчетливо понимал: перед ним стоит лишь полая, иссушенная тридцатилетним подземным пленом оболочка, сквозь которую бездна пустых земель транслирует свои условия. — Мы... не приходи-ли... — звук вырвался из открытого рта Ковалева, но это был не один голос. Остальные три фигуры, застывшие на чугунных ступенях лестничного пролета, разом приоткрыли губы, дублируя каждую интонацию. Ментальное эхо заполнило круглую комнату. — Мы... все-гда... бы-ли...

здесь. Под озер-ным... дном. Степь... не за-бира-ла... нас, Са-мат. Она... про-сто... вы-верну-ла... кар-ман. Вместе с этими рваными словами в голове Самата вспыхнула резкая, ослепляющая вспышка чужих воспоминаний. Это был срез чужой памяти, навязанный аномалией напрямую, минуя органы чувств. Старик увидел июль 1996 года. Жаркий, душ-ный полдень посреди степного урочища. Тяжелые, масляни-стые волны озера бьются о гранитное основание только что построенного маяка. Молодой профессор Ковалев и его от-ряд гидрологов стоят на палубе исследовательской моторной лодки, опуская в воду тяжелый металлический зонд. На дат-чиках приборов — резкое, необъяснимое падение плотности воды. Озеро не высыхало сверху, под воздействием солнца. Вода уходила вниз, в гигантские, радиальные трещины, ко-торые внезапно открылись на самом дне озерной чаши. Зонд провалился в пустоту, увлекая за собой трос, лодку и всех пять человек. Они падали не в воду — они падали в сухой, беззвучный вакуум, где время и пространство были скруче-ны в жесткую, неподвижную воронку. Тридцать лет они нахо-дились там, на самом дне этого природного дренажа, не ста-рея и не умирая, превращаясь в часть подземной структуры урочища. Попустительством Создателя человеку иногда да-но столкнуться с аномалиями, ломающими привычные зако-ны земной физики, и сейчас эта изнанка требовала возвра-щения исходных параметров. Вспышка погасла. Самат кач-нулся, упираясь спиной в потрескавшееся стекло обзора. На

подошвах его кожаных сапог запекся слой серого, ледяного ила, который стремительно твердел, превращаясь в жесткую корку.— Таир... Алия... — позвал старик, не сводя взгляда с Ковалева. Парень на полу зашевелился, издал короткий, болезненный стон и медленно поднялся на локти, трясая головой. На его затылке запеклась темная кровь от удара о медную опору станины, но взгляд его уже был осмысленным. Он судорожно перехватил корпус тяжелого «Маглайта» и отполз ближе к матери, которая продолжала судорожно дышать через пластиковый мундштук ингалятора.— Отец, они не двигаются, — прошептал Таир, указывая фонарем на фигуры позади Ковалева. — Они просто стоят. Чего они ждут?— Они ждут, когда прожектор окончательно выгорит, — Самат кивнул на медную панель управления, из которой продолжали беззвучно виться мелкие, голубые электрические дуги. — Багровый луч заклинило. Он бьет точно в центр воронки в речном каньоне. Пока этот затвор держит частоту, они не могут сделать ни одного шага вперед. Но кабели греются. Трансформатор внутри станины долго не протянет. Как только медь оплавится — луч погаснет, и тогда туман займет эту башню до самого купола.Профессор Ковалев медленно поднял руку, указывая бледным, лишенным ногтя пальцем прямо на разбитое восточное окно обзора, куда ворвался холодный степной ветер.— Воронка... закрывается... только... если... один... остается... внутри... — ментальный шёпот четырех мертвых голосов стал тише, тоньше, превра-

щаяся в монотонный белый шум. — Кто-то... должен... держать... затвор... из-нутри. Нам... нужны... жи-вые... Храни-те-ли. С этими словами тело Ковалева внезапно потеряло жесткость. Его колени подогнулись, и он плашмя рухнул на металлический настил пола. Три фигуры на ступенях лестничного пролета осели одновременно с ним, превратившись в полые, иссушенные оболочки из серой штормовки и высохшего речного ила. Из их открытых ртов больше не выходил белый пар. Аномалия временно отключила трансляцию, забрав свою энергию обратно в подземные каналы речного каньона. Наступила мертвая, звенящая тишина. Самат подошел к лежащему телу профессора, осторожно перевернул его носком сапога. Ткань куртки Ковалева на глазах блекли и рассыпалась мелкой серой пылью, оставляя на металле пола лишь латунный жетон и горсть сухого солончакового песка. Осада первой фазы закончилась, но моральный тупик, заложенный мифологией этого места, только что обозначил свои границы. — Нам нельзя здесь оставаться, — Таир поднялся на ноги, бережно помогая Алии встать. — Если трансформатор сгорит, мы задохнемся в этом тумане. Нужно спускаться вниз, пока люк открыт. — Вниз нельзя, Таир, — Самат покачал heads, глядя в разбитое окно, где над горизонтом пустых земель медленно вставало холодное, блеклое солнце. — На улице сухо, но пространство вокруг холма сжалось. Маяк держит периметр. Если мы выйдем за дубовую дверь — мы попадем прямо на дно той воронки в каньоне. Нам придется

идти туда осознанно. Пешком. Через всю выжженную чашу озера. Чтобы заколотить этот затвор своими руками.

Глава 6. Песок и медь

Медная станина прожектора Френеля над головой Самата издала протяжный, натужный треск. Запах горелой изоляции мгновенно стал невыносимым, едким, забивающим остатки разреженного воздуха в смотровой комнате. Голубые электрические дуги на приборной панели вспыхнули в последний раз, оставив после себя лишь жирные угольные потеки на циферблатах вольтметров. Багровый луч, намертво заклиненный монтажным ножом, тускнел на глазах, превращаясь из ядовито-красного в блеклый, грязно-розовый шнур, который едва дотягивался до края холма.

Трансформатор умирал. Затвор удерживал частоту из последних сил.

— Забирай аккумуляторы и рацию, Таир. Живее, — Самат с трудом вытащил обгоревшее стальное лезвие ножа из оплавившейся пластины щитка. Рукоять обожгла ладонь сквозь остатки брезентовой перчатки. — Нам нужно уходить с этой вышки до того, как медь окончательно превратится в шлак.

Таир молча закинул за спину тяжелый армейский рюкзак, в котором глухо звякнули запасные сухие батареи для «Маглайта». Парень действовал быстро, по-американски жестко и без лишних расспросов — шок от прикосновения профессора Ковалева прошел, уступив место холодной, концентриро-

ванной злости человека, загнанного в угол. Он бережно подхватил Алию под левую руку. Женщина уже почти не кашляла, но ее бледные губы продолжали беззвучно шевелиться, повторяя слова внутренней мольбы к Творцу. Попустительством Создателя их хрупкий мир на вершине башни был разрушен, и теперь каждый шаг вниз по винтовой лестнице был шагом в полную неизвестность.

Они начали спуск сквозь плотный, ледяной озонный туман, который лениво поднимался навстречу из открытого проема люка.

Каждая чугунная ступень была покрыта толстым слоем скользкого, серого налета, похожего на сухой кварцевый песок. Самат шел первым, удерживая ручной фонарь в левой руке. Желтый луч скользил по изогнутым каменным стенам маяка, выхватывая из темноты глубокие радиальные трещины, из которых больше не сочилась темная подземная влага. Жидкость застыла, превратившись в хрупкие, искрящиеся сосульки, которые с тихим, стеклянным звоном ломались от вибрации их шагов.

На уровне пятнадцати метров Самат резко остановился.

На чугунной площадке среднего яруса, прямо у стены, сидело тело Ильяса. Огонь, разведенный Алией на его штормовке в третьей главе, полностью погас, оставив на ткани лишь широкие черные подпалины. Вернувшийся гидролог больше не выглядел живым человеком — без ментальной подпитки от центральной антенны его тело стремительно те-

ряло объём. Кожа высохла, обтянув ребра и череп, словно старый, потрескавшийся пергамент, а пальцы рук окончательно превратились в сухие, пористые кости, облепленные речным илом и мелкими озерными ракушками. На его щеё по-прежнему тускло поблескивал латунный экспедиционный жетон.

— Не смотри на него, Таир. Иди мимо, — тихо бросил Самат, перешагивая через вытянутые ноги покойника.

Они преодолели последние пролеты и вывалились в просторный вестибюль нижнего яруса. Здесь царил идеальный, пугающий порядок. Тяжелая дубовая дверь, которую четыре фигуры прорвали в третьей главе, теперь была закрыта. Но засов не лежал в пазах — его стальные крепления были вырваны из каменной кладки с мясом, а сама створка была плотно прижата к косяку неведомым, колоссальным давлением снаружи. Из-под нижнего зазора двери внутрь башни медленно, бесшумно пересыпались струйки мелкого, серого солончакового песка.

Самат подошел к двери и прижался ухом к массивному дубовому настилу.

За деревом не было звуков бурлящей или прибывающей воды. Сухой прилив, который они слышали ранее, изменил свою структуру. Теперь там, на улице, стояла звенящая, мертвая тишина, от которой в ушах мгновенно поднималось тяжелое кровавое давление. Но Самат чувствовал ладонью, как дерево двери едва заметно вибрирует, передавая ту са-

мую подземную частоту, что шла от воронки в речном каньоне.

— Таир, бери шест. Будем отжимать створку вместе, — старик вставил обгоревший конец деревянного шеста в узкую щель между дубовым массивом и гранитным косяком. — Маяк почти потух. Давление с той стороны должно было упасть. Нам нужно выбить эту крышку.

Парень навалился на рычаг всем весом своего тела, упиравясь подошвами тяжелых ботинок в бетонный пол вестибюля. Мышцы на его шее вздулись, брезентовая куртка натянулась до треска в швах. Самат помогал ему, вкладывая в этот упор все остатки своих старых, изнуренных осадой сил. По законам сотворенного мира материя должна была подчиниться физическому воздействию, и после короткого, сухого скрежета гранитная кладка косяка наконец сдалась.

Тяжелая дубовая дверь с глухим, плотным стуком распахнулась наружу.

Поток ледяного, обжигающего воздуха мгновенно ворвался внутрь вестибюля, заставив Самата и Таира зажмуриться от поднявшегося столба серой пыли. Старик сделал первый, осторожный шаг через порог и замер, удерживая левую руку на рукояти ножа.

Перед ними открылась панорама полностью изменившегося урочища пустых земель.

Степь вокруг холма больше не была бескрайней, ровной равниной, уходящей за горизонт. Пространство подверглось

тотальной инверсии. Гектары выжженного озерного ложа, солончаковые топи и заросли жесткого ковыля были смяты и скручены в гигантские, концентрические складки, напоминающие круги на воде от брошенного камня. Просека, по которой они раньше ходили к трактору, теперь круто уходила вверх, изгибаясь под неестественным углом и теряясь в плотных клубках белесого тумана. Весь ландшафт был сжат, подтянут к каменному основанию маяка, словно невидимый великан стянул края земной коры в один тугой узел.

Бледное ноябрьское солнце стояло низко над горизонтом, но его свет не рассеивал мглу. Он лишь окрашивал туман в грязно-серый, мертвенный цвет.

Трактор, стоявший у подножия холма, выглядел как сплюснутый стальной коробок. Его тяжелые металлические гусеницы были глубоко вдавлены в сухую глину, а ветровое стекло кабины вылетело наружу, превратившись в мелкую кварцевую крошку, которая ровным слоем покрывала капот.

— Отец... посмотри на каньон, — Таир указал рукой на восток, туда, где раньше пролегалo старое русло высохшей реки.

Вместо каньона там теперь зияла огромная, круглая воронка диаметром около пятидесяти метров. Ее края были идеально ровными, гладкими, будто их вырезали гигантским лазерным ножом сквозь пласты сухой глины и гранита. Из этой подземной шахты больше не поднимался блеклый белый свет — оттуда лениво, клубами выходил тяжелый, хо-

лодный пар, который медленно стекал по склонам воронки вниз, в бескрайнюю глубину. Это был открытый, центральный затвор пустых земель. Тот самый дренаж, который тридцать лет назад поглотил экспедицию Ковалева и теперь требовал сознательного выбора от новых Хранителей.

— Нам нужно идти туда, — Самат поправил лямки разгрузочного жилета и крепче перехватил деревянный шест. — Маяк на вершине башни полностью погаснет через несколько минут. Как только это произойдет, пространство распрямится обратно, и если мы останемся на этом холме — нас просто разорвет вместе с каменной кладкой башни. Наш единственный шанс выжить — дойти до воронки и зафиксировать этот узел изнутри.

Они начали спуск с холма по беззвучному, обледеневшему солончаку. Каждый шаг по этой измененной земле давался с трудом — подошвы ботинок тонули в мягкой, пористой массе, которая пахла старой речной тиной и озоном. Самат шел первым, прощупывая дорогу шестом. Надя и Таир двигались следом, стараясь не смотреть на застывшие силуэты старых деревьев, которые в тумане казались изломанными, костлявыми руками, тянущимися из-под земли.

Шестая глава романа закрылась на точке начала их смертельно опасного исхода сквозь пустые земли. Герои вышли из укрытия башни, и теперь перед ними лежал лабиринт измененной степи, ведущий прямо к жерлу центральной воронки. Читатель перевернул страницу, увлеченный беш-

ным американским темпоритмом.

Глава 7. Хроноклазм

С каждым шагом вниз по склону холма воздух становился все более плотным, приобретая отчетливый, металлический привкус ржавого железа. Багровая маковка маяка за их спинами окончательно погасла — стеклянный купол башни окутался ровным, безликим серым туманом. В ту же секунду деформированное пространство вокруг героев отозвалось тяжелым, утробным гулом. Земля под ногами Самата не задрожала, но концентрические складки солончака начали медленно, едва заметно смещаться друг относительно друга, словно гигантские тектонические шестерни.

Старик резко остановился, выставив левую руку назад, чтобы удержать Таира и Алию.

— Стойте. Не наступайте на светлые полосы, — Самат указал концом обгоревшего шеста на узкую, фосфоресцирующую линию, которая пролегла прямо между двумя глиняными валами.

Светлая полоса на земле не была отражением блеклого утреннего солнца. Это был физический разлом в структуре урочища, сквозь который просвечивала серая, абсолютно неподвижная дымка. Стоило Самату опустить кончик деревянного шеста в это свечение, как сухая древесина мгновенно покрылась глубокими, продольными трещинами, потемнела и рассыпалась мелкой, трухлявой трухой всего за долю секунды. Время внутри этих пространственных швов

текло со скоростью взрывной волны. По воле Творца вселенной физические законы имеют жесткие границы, но здесь, в эпицентре сухого прилива, эти границы были вывернуты наизнанку.

Таир инстинктивно перехватил поудобнее лямки тяжелого армейского рюкзака. Его лицо, испачканное гарью и копотью после событий в смотровой комнате, казалось серым под блеклыми лучами замершего неба.

— Отец, навигатор на рации полностью сошел с ума, — парень показал экран портативного прибора. Цифры на дисплее бешено сменяли друг друга, отсчитывая годы и месяцы назад, пока экран окончательно не затек черными жидкими кристаллами. — Мы теряем привязку к таймлайну. Если мы застрянем между этими складками, мы просто превратимся в такой же песок, как профессор Ковалев.

— Уповай на Создателя и смотри под ноги, Таир, — Самат аккуратно перешагнул через опасную светящуюся линию, выбирая самый прочный, темный участок сухой глины. — Алия, держись за плечо сына. Не отставать ни на сантиметр.

Они двинулись дальше, углубляясь в лабиринт скрученной степной равнины. Пространство продолжало играть по жестким законам американского триллера — саспенс нагнетался не за счет появления монстров, а через тотальное искажение привычной реальности. Вокруг них, прямо из плотных клубов серого тумана, начали доноситься первые звуко-

вые галлюцинации. Это не был шёпот или белый шум. Это были чистые, объемные звуки из далекого прошлого урочища.

Слева, из-за крутого глиняного вала, отчетливо донесся веселый, беззаботный смех молодой женщины, сменившийся плеском тяжелых озерных волн и рокотом лодочного мотора «Вихрь».

— Это... это ведь моторка гидрологов? — Надя остановилась, судорожно прижав ладони к вискам. Ее ингалятор уже давно опустел, но морозный воздух пустых земель теперь обжигал легкие по-другому, вызывая странное, гипнотическое оцепенение. — Самат, я слышу их. Они где-то совсем рядом. Они живые.

— Не слушай, Алия! Это ловушка памяти! — рявкнул Самат, силой дернув жену за рукав куртки вперед. — Озеро мертво. Экспедиция мертва. Бездна просто крутит старую магнитофонную ленту, чтобы заставить нас остановиться. Если ты сделаешь шаг на этот звук — ты сойдешь с тропы прямо в хронологический разлом.

Звуки прошлого становились все более агрессивными, плотными, забивая барабанные перепонки героев. Рокот лодочного мотора сменился резким, паническим криком профессора Ковалева из июля 1996 года: *«Зонд уходит! Трос заклинило! Руби канат, Ильяс, руби!»*. Затем последовал оглушительный, вакуумный хлопок, от которого у Арсения из левого уха снова потекла тонкая струйка темной крови.

Звук зафиксировал тот самый момент тридцатилетней давности, когда водная толща озера провалилась в подземную пустоту.

Попустительством Создателя человеку иногда дано пережить эхо чужой катастрофы, и Самат сейчас понимал, что они находятся в шаге от повторения этого сценария. Земля под их ногами начала круто уходить вниз. Они вышли к кромке гигантской круглой воронки посреди сухого речного каньона.

Вблизи подземная шахта выглядела еще более пугающе. Ее ровные, отшлифованные до зеркального блеска гранитные стены уходили вертикально вниз, теряясь в крошечной, ледяной тьме. Из жерла воронки больше не вырывался туман — оттуда поднимался мощный, непрекращающийся поток сухого, морозного воздуха, который скрежетал по камням, издавая звук, похожий на стон натянутой стальной струны. Это была анатомия центрального затвора пустых земель.

На самом краю бездны, прямо на обледеневшем выступе скалы, лежали три предмета, покрытые слоем пушистого серого инея.

Самат подошел ближе, удерживая деревянный шест наготове. Луч его фонаря выхватил из темноты старый металлический планшет для топографических карт, разбитый теодолит на треноге и тяжелый стальной топор-колун с прогнившим деревянным топорщиком. Это были вещи экспедиции, брошенные здесь в секунду их финального падения. Но са-

мое жуткое было в другом — стальное лезвие топора было абсолютно чистым, на нем не было ни следа ржавчины, а на деревянной рукояти отчетливо виднелся свежий, влажный отпечаток ладони Ильеса, оставленный им всего несколько минут назад, когда он поднимался из этой шахты к маяку.

Время на дне воронки и на поверхности существовало в разных, пересекающихся плоскостях.

— Что нам делать, отец? — Таир остановился у самого края обрыва, заглядывая в бездонное каменное жерло. — Прожектор на маяке погас. Как нам зафиксировать этот узел изнутри, если у нас нет энергии?

— Энергия не нужна, Таир, — Самат опустил руку в карман разгрузочного жилета и вытащил тяжелый латунный жетон профессора Ковалева, который он подобрал в смотровой комнате. — Бездна пустых земель работает по принципу замещения. Она возвращает старые долги только тогда, когда получает новую замену. Ковалев сказал правду перед тем, как рассыпаться в песок: этому месту нужны живые Хранители. Кто-то сознательный. Тот, кто сможет удерживать затвор своей собственной волей, не позволяя пространству складываться в воронки.

Старик повернулся к сыну и жене. Его серое, осунувшееся лицо под блеклыми лучами ноябрьского солнца казалось высеченным из камня. Он принял решение еще там, на вершине башни, когда чугунный штурвал аварийного люка сорвался с резьбы.

— Самат, нет... — Алия шагнула к нему, ее тонкие пальцы судорожно вцепились в брезентовую ткань его жилета. — Мы уйдем вместе. Мы найдем другой путь. Творец милосерден, Самат!

— Другого пути нет, Алия, — старик бережно, но твердо убрал ее руки со своего плеча. — Если я не останусь здесь, этот прилив к утру выйдет за пределы урочища. Он доберется до поселков, до городов. Пространство начнет схлопываться везде, превращая обитаемый мир в такую же выжженную равнину. Таир, забирай мать. Идите назад, к трассе. Трактор раздавлен, но на шоссе связь должна вернуться, как только я перехвачу частоту.

Самат сделал шаг назад, вставая на самый край гранитной стены воронки. Он зажал латунный жетон Ковалева в кулаке так сильно, что острые края металла врезались в обгоревшую кожу ладони. Его внутренняя связь с аномалией, зародившаяся во время осады башни, теперь превратилась в плотный, вибрирующий жгут. Он был готов стать новой, сознательной крышкой этого подземного дренажа.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.